

**Сусана
Монсо**

**Опоссум
Шрёдингера**

**Смерть
в мире
ЖИВОТНЫХ**

Individuum. Внесерийное

Сусана Монсо

**Опоссум Шрёдингера.
Смерть в мире животных**

«Individuum»

2022

УДК 591
ББК 28.6

Монсо С.

Опоссум Шрёдингера. Смерть в мире животных / С. Монсо —
«Individuum», 2022 — (Individuum. Внесерийное)

ISBN 978-5-6048298-0-6

Что животные знают о смерти — и чему это может научить нас? Шимпанзе заботятся о больных и оплакивают погибших соплеменников. Косатки неделями носят собой умерших детенышей, будто не могут примириться с утратой. Слоны покрывают трупы сородичей ветками и землей, совершая примитивный похоронный обряд. А опоссум при виде опасности притворяется мертвым: впадает в паралич, понижает температуру тела, высовывает язык изо рта и испускает трупный запах. Слово кот из парадокса Шрёдингера, он и жив, и мертв одновременно. Как доказывает испанский философ Сусана Монсо, животные не просто имеют представление о смерти: их отношения с ней гораздо разнообразнее и удивительнее, чем мы можем себе представить. «Опоссум Шрёдингера» — естественнонаучный детектив, сочетающий философскую теорию с последними данными этологии и сравнительной психологии, а наблюдения за дикой природой — с размышлениями об экзистенциальных вопросах. В формате PDF А4 сохранен издательский макет книги.

УДК 591

ББК 28.6

ISBN 978-5-6048298-0-6

© МоHco C., 2022
© Individuum, 2022

Содержание

Предисловие	7
Введение	8
Глава 1	11
Конец ознакомительного фрагмента.	19

Сусана Монсо

Опоссум Шрёдингера.

Смерть в мире животных

Susana Monsó

La zarigüeya de Schrödinger

Cómo viven y entienden la muerte los animales

Plaza y Valdés Editores

© Susana Monsó, 2022

Published by arrangements with Plaza y Valdés. All rights reserved. Translated by arrangement with Meucci Agency – Milan

© Дмитрий Лупич, перевод, 2023

© Дмитрий Кавка, обложка, 2023

© ООО «Индивидуум Принт», 2023

Я посвящаю эту книгу Тоте. Тебе я обязана тем, кем являюсь.

Смерть прозаична. И если мы чувствуем потребность теоретизировать о ней, нужно делать это более прозаично.

Боб Планта

Предисловие

Ворон в одноименном стихотворении Эдгара Аллана По повторял: «Больше никогда»¹. Можно предположить, что для осознания чьей-то смерти необходимо понимать идею, что этот человек *больше никогда* не вернется. Вы *больше никогда* не увидите его лицо. *Больше никогда* не услышите его голос. Вы *больше никогда* не будете вместе. По крайней мере в этой реальности.

Это сложная концепция. Фраза «больше никогда» подразумевает вечность. Умерший уже никогда, ни в какой момент времени к нам не вернется. «Больше никогда» значит «навсегда», а «навсегда» – это лишь один из способов обозначения вечности. Однако действительно ли для осмысления смерти необходимо понимание вечности? Кто из нас на самом деле понимает вечность? Это бесконечный промежуток времени, отделяющий покойного от его родных и друзей. Но кто из нас действительно понимает, что такое бесконечность? Вероятно, никто. Даже математики спорят о том, существует ли она вообще.

Значит ли это, что никто из нас, кроме, возможно, самых интеллектуально одаренных, не понимает, что такое смерть? Подобный вывод прозвучал бы странно. Все мы знаем, что такое смерть. Пожалуй, нам не нравится о ней размышлять. Некоторые философы утверждают, что с экзистенциальной точки зрения мы от нее бежим. Отказываемся ее принять. Пытаемся о ней не задумываться. Мы осознаем собственную смерть лишь как отдаленное во времени событие, которое случится в некий момент еще не определенного будущего. Однако если мы бежим от нее, то лишь потому, что в действительности на интуитивном уровне понимаем, что такое смерть, даже слишком хорошо, – утверждают те же философы.

Мы, люди, – сложные создания. Можно даже сказать, слишком сложные. И, конечно, мы склонны все усложнять. В этом философы идут дальше других. В руках некоторых из них философия становится искусством чрезмерного усложнения. Даже самой простой вещи они способны придать невообразимую, ненужную и в итоге неубедительную сложность. Философам следовало бы поучиться некоторой интеллектуальной скромности. За уроком можно обратиться, например, к тем, кто не страдает склонностью к таким грехам, а именно к животным.

В этой книге Сусана Монсо предлагает нам своевременный антидот от пресловутого стремления философов объяснять все максимально сложным образом. Способны ли животные осознать, что такое смерть? Трудно представить, как может быть иначе. В условиях дарвиновской борьбы за выживание существо, не понимающее, что такое смерть, оказалось бы в крайне невыгодном положении. Но, вероятно, животные способны понимать вечность или бесконечность не лучше, чем мы. Итак, что же они осознают, когда сталкиваются с феноменом смерти? Может ли ответ на этот вопрос пролить свет на то, что осознаем мы, люди, – тоже животные, – когда размышляем о смерти?

В книге представлена убедительная теория о том, как мы наряду с остальными животными воспринимаем смерть. К кому же обращаться, чтобы понять самих себя, – к философам или животным? Сусана Монсо, философ, и, безусловно, очень талантливый, предлагает аргументированный ответ: и к тем и к другим.

Марк Роулэндс

¹ Перевод В. Брюсова.

Введение

В ноябре 2009 года в National Geographic опубликовали снимок, который привлек внимание как обычных читателей, так и ученых. На нем была запечатлена Дороти – самка шимпанзе возрастом более сорока лет, лежащая на тележке, которую везут двое людей. На заднем плане за оградой сгрудились шестнадцать шимпанзе, каждый из которых пристально смотрит на подругу (см. илл. 1). Фотография многих удивила: Дороти на ней мертва, а сородичи, с которыми она провела последние восемь лет своей жизни в Центре спасения шимпанзе «Санага-Йонг» в Камеруне, будто бы собрались, чтобы проститься с ней.

Фотограф Моника Шупайдер, которая запечатлела этот момент, описывала его так: «Вообще шимпанзе не тихони. Они – существа коллективные, крикливые, шумные, и обычно у них относительно короткие периоды внимания. Однако они не могли оторвать от Дороти глаз, а их молчание говорило само за себя»². Но о чем именно оно говорило? Возможно ли, что шимпанзе чувствовали нечто сродни горя, которое мы испытываем из-за смерти близкого нам человека? Могли ли они понять, что произошло с Дороти? Может быть, они знали, что рано или поздно это случится и с ними?

Фотография вызвала такой интерес, что многие ученые решили рассказать о похожих случаях, которые они наблюдали много лет, но ранее не описывали в публикациях. Другие стали обращать более пристальное внимание на поведение изучаемых ими животных, столкнувшихся со смертью сородича. Возникла новая дисциплина – *сравнительная танатология*, которая исследует, как животные реагируют на смерть других особей или на приближение их смерти, какие физиологические процессы лежат в основе этих реакций и что такое поведение может поведать нам о сознании животных. Сначала в центре внимания были приматы, однако в последние годы появилось огромное количество новых публикаций, и все больше статей по танатологии посвящается видам, весьма далеким от обезьян, например слонам, китам, лошадям, воронам и даже некоторым видам насекомых.

Илл. 1. Фотография «Скорбящие шимпанзе» («The grieving chimps»), автор Моника Шупайдер

² Irvine C. Chimpanzees' grief caught on camera in Cameroon // The Telegraph. 2009. October 27. URL: <https://www.telegraph.co.uk/news/earth/wildlife/6444909/Chimpanzees-grief-caught-on-camera-in-Cameroon.html> (дата обращения: 12.05.2021).

Сравнительная танатология – это дисциплина, находящаяся на стыке *этологии* и *сравнительной психологии*. Этология – раздел биологии о поведении животных, в котором, как и в сравнительной танатологии, отдается предпочтение полевым исследованиям в естественной среде или в условиях, к ней приближенных. Сравнительная психология, в свою очередь, нацелена на изучение психики животных посредством экспериментов: она сравнивает, как представители различных видов решают похожие задачи и какие когнитивные механизмы они при этом используют. Сравнительную танатологию и сравнительную психологию роднит интерес к психологии животных, причем первая дисциплина опирается на исследования второй, чтобы понять, как животные переживают и понимают смертность.

И все же эта книга написана не этологом и не психологом, а философом. Может быть, это вас удивит, если вы представляете себе философа этаким бородачом преклонного возраста, который курит трубку и, сидя в кресле, размышляет о смысле жизни. Не стану отрицать, что некоторым из нас такой портрет вполне соответствует. Но правда в том, что философия – очень неоднородная дисциплина, и можно найти философов, которые занимаются изучением таких разных предметов, как изменение климата, терроризм, видеоигры, медицина и порнография.

Дело в том, что философия обладает определенными свойствами, которых нет у других дисциплин. В отличие от прочих направлений естественных и гуманитарных наук, у философии нет заранее определенного предмета изучения. Философия применима к чему угодно: это не исследование того или иного конкретного явления, а метод, способ смотреть на мир и размышлять о нем. Это позволяет философам поддерживать постоянный диалог с другими областями знания, легко перемещаться между дисциплинами, ничего не принимать на веру, сомневаться в любом допущении и предлагать новаторские и свежие точки зрения, способные оживить любую дискуссию.

Эта книга вписывается в рамки относительно молодого направления философии, известного как *философия сознания животных*. Философия сознания восходит как минимум к временам Древней Греции, однако на протяжении всей истории этой дисциплины в ней в основном изучалось человеческое сознание. Философия сознания животных утверждает интерес к изучению разума братьев наших меньших, и не только для того, чтобы мы лучше понимали самих себя, но и как самоцель, поскольку психология других биологических видов интересна вне зависимости от того, что она может поведать нам о нашей. В свою очередь, эта дисциплина находится в диалоге с естественными науками, ведь в ней рассматриваются методы изучения поведения и когнитивных процессов других видов, определяются возможные ошибки и делается попытка внести большую понятийную ясность в наши знания о живом мире.

Как дисциплина, которой едва исполнилось десять лет, сравнительная танатология остро нуждается в философском подходе, который поможет выявить скрытые предубеждения и методологические ошибки, способные исказить результаты исследований, а также уточнить значение ключевых понятий. Цель этой книги – в частности, отыскать и устранить антропоцентрические искажения, которые лежат в основе исследований о том, как животные воспринимают смерть. Ключевым понятием, на котором я сосредоточена и которое служит основой моих рассуждений в целом, является понятие смерти. Что вообще означает *понимать* смерть? Является ли представление о смерти бинарным, то есть подразумевающим «всё или ничего», или это скорее спектр, допускающий большую или меньшую сложность? Можно ли говорить о разных концепциях смерти, в которых отражена точка зрения животных разных видов?

Значительную часть книги занимает понятийный анализ. Однако это не просто попытка уточнения формулировок: с помощью такого анализа можно узнать кое-что новое и об окружающем мире. Например, чтобы определить, доказывают ли эксперименты, в которых животные ведут себя альтруистично, что у этих животных есть мораль, нужно начать с четкого определения того, что значит обладать моралью. То же справедливо и в нашем случае. Если мы проанализируем, что значит иметь понятие смерти, то сможем взглянуть на имеющиеся у нас свиде-

тельства по-новому. Более того, такой анализ позволит нам очень четко очертить *когнитивные требования*, необходимые для понимания смерти; а также психологическую архитектуру, которой необходимо обладать животному, чтобы оно могло понимать, что такое смерть. Зная все это, можно выйти за пределы сравнительной танатологии и рассмотреть, что нам могут рассказать другие области знания – например эволюционная биология – о том, насколько широко распространена в природе способность размышлять о смерти.

Понимают ли животные, что такое смерть? В книге я использовала понятийные и аргументационные инструменты, которые предлагает философия, чтобы проанализировать эмпирические свидетельства, собранные сравнительной танатологией за последнее десятилетие, и таким образом дать ответ на этот вопрос. Как мы убедимся, с самого своего появления сравнительная танатология страдает определенными антропоцентрическими искажениями; из-за этого танатологи чрезмерно интеллектуализируют понятие смерти и слишком сильно фиксируются на горе как эмоциональной реакции на утрату. Выявление и устранение этих искажений позволяет прийти к выводу, что понятие смерти не требует развитых когнитивных способностей и что животные могут эмоционально реагировать на смерть и познавать ее множеством способов. Если мои аргументы верны, понятие смерти выработать гораздо проще, чем принято считать, и оно, вероятно, очень широко распространено в царстве животных.

Возможно, все, что вы сейчас прочитали, кажется вам странным, если вы не привыкли рассуждать о понятиях или эмоциях у животных. Если это ваш случай, то прошу вас довериться мне, поскольку книга рассчитана на неспециалистов и не требует от читателя специальных познаний в психологии животных. С другой стороны, возможно, вы относитесь к людям, которые сомневаются, что животные обладают сознанием. В таком случае вам повезло! Я не только буду рассуждать о том, как животные относятся к смерти, но и рассмотрю философские аргументы и множество эмпирических свидетельств, которые подтверждают, что человек – далеко не единственное существо, обладающее ментальной жизнью. Поэтому, если вы настроены скептически, в этой книге вы наверняка как минимум найдете пищу для размышлений.

На страницах этой книги мы будем порой будем отвлекаться от философии и углубляться в сравнительную танатологию и другие смежные эмпирические науки. Я задумывала книгу для широкой аудитории и поэтому стремилась свести технические подробности к минимуму, а там, где без них никак не обойтись, постаралась тщательно и доступно все объяснить. А еще, чтобы читатель не заскучал, я везде, где могла, вставила шутки (порой, возможно, не самые удачные). Библиографические ссылки вынесены в конец книги, чтобы не мешать чтению. Читателей, которые с трудом воспринимают философию, я прошу набраться терпения. Тем, кому хочется рассказов о животных, обещаю: они обязательно будут. Итак, дорогой читатель, без дальнейших рассуждений благодарю вас за то, что вы выбрали эту книгу. Искренне надеюсь, что она вам понравится.

Глава 1

Муравей, который наблюдал собственное погребение

Когда мне было восемь лет, Санта-Клаус подарил мне микроскоп. Я мечтала о нем с тех пор, как увидела по телевизору рекламу, в которой дети в очках и белых халатах рассматривали в этот прибор всевозможные обычные предметы: под увеличением они становились гораздо интереснее. От такого подарка я должна была прийти в восторг; по крайней мере так предполагалось.

Начав играть с подарком, я скоро поняла, что он куда скучнее, чем в рекламе. К микроскопу прилагались образцы для изучения, но их было слишком мало, и они были далеко не такими интересными, как мне обещали. А те предметы, которые можно было найти дома, не годились для рассматривания под микроскопом: они были слишком темными, или слишком большими, или бесцветными. Нет, мне нужно было что-то более занимательное.

Тогда-то мне и пришла в голову гениальная идея – увеличить муравья. Кого не изумлял инопланетный облик этих насекомых – эти их огромные глаза, свирепые челюсти, шевелящиеся антенны? Казалось, что здесь-то меня и ждет увлекательное приключение, которого я так ждала.

В моем плане была лишь одна загвоздка: мне нужен был мертвый муравей. Ведь рассмотреть во всех подробностях шевелящееся насекомое было бы невозможно. Однако единственный известный мне способ убить муравья – раздавить его. Этот способ идеально подошел бы, если бы я решила поразглядывать пюре из членистоногих, но меня интересовал целый муравей.

Итак, однажды утром я взяла одну из пробирок, которые прилагались к микроскопу, и поймала в нее муравья. Я решила оставить его там, пока у него не кончится кислород. Мне стыдно в этом признаваться, но я целый день проходила с закрытой пробиркой в кармане штанов, время от времени доставая ее, чтобы посмотреть, не согласился ли уже муравей сотрудничать со мной в деле развития науки и не соизволил ли он наконец протянуть лапки. Но нет. Он был жив. Живехонек. В конце концов это-то неуместное стремление к жизни его и спасло.

Поздно вечером, допивая какао, я окончательно осознала, что делаю. Я почему-то вдруг поставила себя на место муравья, и меня охватила невыносимая печаль (я была любопытной, но все же не бессердечной). Как я могла пожелать ему смерти? Кто я такая, чтобы отнять жизнь у невинного существа? Это вдруг показалось мне недопустимой жестокостью.

Я помню, что пошла к красивому розовому кусту, который рос недалеко от дома, осторожно открыла пробирку, и муравей, наконец свободный, убежал по одному из листиков. Бедняга вышел из пробирки медленно и растерянно, как бы удивляясь, зачем его похищали. Скорее всего, вскоре после этого он умер, но в тот момент я почувствовала, что спасла его. Что поступила правильно. Что я эдакая Капитан Марвел ростом метр двадцать.

Тот момент сострадания к муравью, взаимосвязи с ним ясно отпечатались у меня в памяти – и, наверное, повлиял на то, кем я стала. Тогда, в детстве, я была уверена, что буду художником, однако в итоге я посвятила себя изучению этики животных.

Этика будет фоном последующих рассуждений, но это не единственная причина, по которой я рассказала эту историю. Мы будем говорить о том, как животные воспринимают смерть. Естественно, люди – тоже животные, и поэтому на протяжении всей книги мы будем возвращаться к нашему представлению о смерти. Оно послужит контрапунктом и проводником в моих размышлениях.

История о муравье показывает, как я воспринимала смерть в тот момент. Я знала, что муравей относится к классу вещей, которые могут умереть (в отличие от, например, камня, который ни жив ни мертв). Я могла предсказать, что когда муравей умрет, он перестанет дви-

гаться и поэтому я смогу рассмотреть его под микроскопом. Я также ясно осознавала, что сама могу стать причиной смерти муравья (хотя, судя по вопиюще неэффективному способу, который я выбрала, приходится признать, что осознание это было не слишком глубоким и изощренным). Кроме того, я была способна определить, что муравей еще жив, и понять, что он умер, если бы это случилось. И, наконец, я смогла проявить сочувствие к муравью и отнестись к его смерти как к трагедии, к чему-то отрицательному, чего нужно избежать. Все это свидетельствует о том, что у меня было достаточно сложное представление о смерти.

Мы можем увидеть некоторое сходство между этой историей и тем, как сами муравьи отреагировали бы на смерть своего собрата. Во-первых, муравьи тоже готовы приложить усилия, чтобы не допустить смерти одного из своих. В рамках недавнего эксперимента³ исследователи симитировали ситуацию, которая часто возникает в природе, когда муравьи попадают в паутину. Для этого одного из насекомых поймали сетью из нейлоновых нитей. Как обнаружили исследователи, другие муравьи поспешили ему на помощь. Сначала они копали песок и тянули муравья за конечности, пытаясь его высвободить. Это не сработало, и тогда они сосредоточились на самой ловушке: стали обкусывать нейлоновую нить, пока не разорвали ее и не освободили жертву.

Во-вторых, муравьи также способны понять, когда один из них умирает. Если это происходит, муравьи могут отличить его от живых собратьев и вынести труп из гнезда. Этот процесс называется *некрофорез*.

Несмотря на описанные сходства, можно с достаточной уверенностью утверждать, что у муравьев нет представления о смерти. Муравей, который выручает своего запутавшегося сородича, на самом деле не опасается, что тот умрет, и не старается его спасти, а реагирует на химический сигнал, который посылает муравей, оказавшийся в опасности. Если бы мы применили к пойманному муравью анестезию, остальные не стали бы ему помогать. Чтобы вызвать у них такую поведенческую реакцию, необходима химическая команда.

Похожим образом происходит и некрофорез. Дело не в том, что муравьи осознают, что другой муравей скончался. Они просто выдают запрограммированную реакцию на химический стимул. Некрофорез запускает олеиновая кислота, которую выделяют трупы этих насекомых. При ее обнаружении другие муравьи незамедлительно реагируют на мертвого сородича как на мусор, который нужно выкинуть из гнезда. Из-за жесткости этого механизма их можно очень легко обмануть. Если бы мы поймали живого муравья и капнули ему на брюшко олеиновой кислоты, другие муравьи посчитали бы его мертвым. То есть они бы подхватили его и вынесли прочь из муравейника⁴. Как бы «труп» ни двигался и ни пытался освободиться, они бы не признали его живым.

Однако тот факт, что такое поведение контролируется обменом химическими веществами, не значит, что оно не допускает и некоторой гибкости. Муравьи, занимающиеся спасением товарища, пойманного в ловушку, демонстрируют определенное понимание ситуации. Если одна линия поведения не срабатывает, они могут сменить тактику и в итоге понять, что проблема – в самой ловушке, хотя в природе они и не сталкиваются с такими объектами.

Нечто похожее происходит и в случае некрофореза. Хотя речь идет о поведении, которое продиктовано механизмом «стимул – реакция», на него могут влиять и другие факторы. Прежде всего, олеиновая кислота – не единственный стимул, способный запустить процесс

³ Эксперимент взят из: *Nowbahari E. et al. Ants, Cataglyphis cursor, use precisely directed rescue behavior to free entrapped relatives // PLoS ONE. 2009. 4 (8). P. e6573.* Далее я буду время от времени ссылаться на эксперименты, которые, как и этот, можно было бы подвергнуть критике с этической точки зрения. Чтобы не отвлекаться от основной аргументации, я впоследствии воздержусь от комментариев на эту тему, однако хочу зафиксировать, что мои ссылки на конкретные исследования не означают, что я согласна с их методологией.

⁴ *Wilson E. O., Durlach N. I., Roth L. M. Chemical releaser of necrophoric behavior in ants // Psyche: A Journal of Entomology. 1958. 65 (4). P. 108–114.*

некрофореза. Свою роль могут сыграть и другие химические вещества, вырабатываемые в процессе разложения организма. Некоторые виды муравьев даже могут почуять что-то неладное еще до начала разложения: для них достаточно заметить отсутствие химического сигнала, свидетельствующего о жизни (например определенных феромонов, которые вырабатывают насекомые). Есть виды, представители которых различают свежие и старые трупы, причем первые они закапывают, а вторые выносят из гнезда⁵. Важную роль играет и контекст: разлагающийся труп муравья, обнаруженный во время поисков пищи, не вызывает процесс некрофореза, если только труп не находится слишком близко к муравейнику. А если труп нельзя вынести из колонии из-за каких-то условий окружающей среды, например из-за мороза или наводнения, муравьи могут выбрать другие способы его утилизации, например погребение и даже каннибализм⁶.

Учитывая такую гибкость в поведении муравьев, можем ли мы быть уверенными в том, что они не обладают понятием смерти? Прежде чем ответить на этот вопрос, нужно сделать небольшой философский экскурс и выяснить, что вообще такое понятие⁷.

Понятия – это базовые компоненты многих наших мыслей. К примеру, мысль «стол качается» состоит из понятий «стол» и «качание». Как мы убедимся, не все формы мышления требуют понятий, однако существо, не способное мыслить, понятий точно иметь не будет. Поэтому, прежде чем подобраться к конкретному вопросу о том, обладают ли животные понятиями, необходимо попытаться ответить на более общий вопрос: есть ли у животных разум?

В знаменитой статье 1982 года философ Дональд Дэвидсон доказывал, что ответить на этот вопрос следует отрицательно⁸. Дэвидсон предлагает представить собаку, которая гонится за соседской кошкой в саду. Кошка бежит к дубу, но в последний момент сворачивает и забегает на другое дерево, в данном случае – на клен. Собака этого маневра не замечает и упрямо бежит к дубу. Она останавливается у дерева, упирается передними лапами в ствол и начинает лаять в сторону кроны. Увидев такую сцену, мы бы, скорее всего, решили: «Собака думает, что кошка на дубе!»⁹ То есть мы объяснили бы поведение собаки, приписав ей определенное *убеждение*, – а это один из видов мышления. Но Дэвидсон обнаруживает здесь две большие проблемы.

С одной стороны, есть загвоздка, связанная с границами нашего знания. Мы не можем «примерить» на себя точку зрения собаки, что не позволяет нам получить прямой доступ к ее способу понимания мира. Но чтобы приписывать другому существу какие-либо убеждения, необходимо обладать доступом к его способу понимания мира. К примеру, мы можем приписать журналистке Лоис Лейн убеждение, что она работает с Кларком Кентом, а не с Суперменом, хотя Кларк Кент и Супермен – один и тот же человек. Дело в том, что Лоис Лейн *не знает*, что Кларк Кент и Супермен – один и тот же человек, и поэтому, говоря о том, как она воспринимает своего коллегу, нужно использовать имя «Кларк Кент». В случае же с собакой проблема заключается в том, что мы не можем знать, какую именно форму примет убеждение собаки. Мы не можем знать, например, считает ли собака, что кошка забралась на «самое старое дерево в саду», на «самое вкусно пахнущее дерево» или на «дерево, на которое она заби-

⁵ Sun Q., Zhou X. Corpse management in social insects // International Journal of Biological Sciences. 2013. 9 (3). P. 313–321.

⁶ Sun Q., Haynes K. F., Zhou X. 2018. Managing the risks and rewards of death in eusocial insects // Philosophical Transactions of the Royal Society B: Biological Sciences. 373 (1754). P. 20170258.

⁷ Я развивала эту тему в связи с понятием смерти в: *Monsó S.* How to tell if animals can understand death // Erkenntnis. 2019. DOI: 10.1007/s10670-019-00187-2 на основе анализа, сделанного в: *Allen C.* Animal concepts revisited: The use of self-monitoring as an empirical approach // Erkenntnis. 1999. 51 (1). P. 537–544; *Glock H.-J.* Animals, thoughts and concepts // Synthese. 2000. 123 (1). P. 35–64; *Newen A., Bartels A.* Animal minds and the possession of concepts // Philosophical Psychology. 2007. 20 (3). P. 283–308.

⁸ *Davidson D.* Rational animals // Dialectica. 1982. 36 (4). P. 317–327.

⁹ Этот пример был впервые опубликован в: *Malcolm N.* Thoughtless brutes // Proceedings and Addresses of the American Philosophical Association. 1973. 46 (September). P. 5–20.

ралась в прошлый раз». Приписывая собаке конкретные убеждения, мы сталкиваемся с этим непреодолимым препятствием.

С другой стороны, согласно Дэвидсону, убеждения никогда не существуют сами по себе, и чтобы всякое убеждение имело смысл, ему необходимы другие связанные с ним убеждения. Собака не может считать, что некий объект является деревом, не имея целой серии общих убеждений, связанных с деревьями: что они растут, что у них есть листья, ветви и корни, что им нужна вода, свет и т. д. То же самое касается кошки: чтобы считать, что перед нами действительно кошка, нужно считать, что это млекопитающее с четырьмя лапами, которое мяукает, и т. д. Нет конкретного списка общих убеждений, которые позволяют считать некий объект деревом или кошкой, однако если мы не можем приписать собаке хотя бы некоторые из этих общих убеждений, то, согласно Дэвидсону, не можем и приписывать ей убеждение, что кошка находится на дереве. При этом, опять же, мы не можем знать, какими из общих убеждений обладает собака, – если вообще ими обладает.

Аргументы Дэвидсона убедили лишь немногих философов¹⁰. С одной стороны, отмечалось, что те же проблемы, хотя и не так явно, возникают и в тех случаях, когда мы приписываем убеждения другим людям. Мы никогда не можем ни точно знать, что именно происходит в голове у других людей, ни заранее определить во всех подробностях, как они воспринимают мир. Однако это не мешает нам приблизительно это понимать, основываясь, например, на сведениях о личности или биографии другого человека. Возможно, Лоис Лейн воспринимает своего коллегу как «очкарика», а не как «Кларка Кента», но все же использовать эту характеристику целесообразнее, чем прозвище «Супермен», учитывая, что она еще не раскрыла его тайну.

В то же время существует мнение, что Дэвидсон впадает в чрезмерный пессимизм, когда описывает границы наших знаний о животных. Если изучать их поведение в контролируемых условиях, можно достаточно хорошо разобраться в том, как они понимают мир, и это позволяет нам гораздо успешнее определять их убеждения, чем полагает Дэвидсон.

Также утверждается, что убеждения животных необязательно должны состоять из понятий, как предполагает Дэвидсон. Например, может быть так, что собака не думает о кошке как о мяукающем млекопитающем с четырьмя лапами, а воспринимает ее с точки зрения действий, которые по отношению к ней можно предпринять: например, как предмет, за которым можно гоняться или который можно съесть.

Наконец, ученые говорят, что аргумент Дэвидсона, даже будь он не таким спорным, позволил бы нам лишь сделать вывод, что мы не знаем, *какие* убеждения есть у животных, но он не дает нам оснований считать, что у них совсем нет убеждений. Вопрос о том, что именно происходит в голове животного, отличается от вопроса о том, есть ли у него разум.

Согласно Дэвидсону, однако, дело не просто в том, что у нас нет возможности выяснить, *какие* убеждения есть у животных, а в том, что проблематична сама идея, что животные обладают разумом. Он выдвигает следующий довод. Человек, обладающий убеждениями, должен уметь удивляться, поскольку удивление возникает в тот момент, когда человек фиксирует, что реальность отличается от его *представления* о ней. К примеру, если я увижу, что у меня отрицательный баланс на банковском счете, я удивлюсь, поскольку осознаю несоответствие между суммой, которая, *как я думала*, лежит у меня на счете, и той, которая на нем есть в действительности. По Дэвидсону, для того, чтобы кто-то мог удивляться и, следовательно, иметь убеж-

¹⁰ Пример Дэвидсона подвергался критике во множестве публикаций, например, в: Searle J. R. Animal minds // Midwest Studies In Philosophy. 1994. 19 (1). P. 206–219; Glock. Op. cit.; Andrews K. Interpreting autism: A critique of Davidson on thought and language // Philosophical Psychology. 2002. 15 (3). P. 317–332; Newen, Bartels. Op. cit.; Diéguez A. Conceptual thinking in animals: Some reflections on language, concepts, and mind // Martínez-Contreras J., Ponce de León A., eds. Darwin's Evolving Legacy. México y Xalapa: Siglo XXI y Universidad Veracruzana. 2011. P. 383–395; Rowlands M., Monsó S. Animals as reflexive thinkers: The aponoian paradigm // Kalof L., ed. The Oxford Handbook of Animal Studies. Oxford: Oxford University Press. P. 319–341.

дения, он должен обладать *понятием убеждения*, то есть должен быть способен понимать: его представления о мире – это одно, а то, каким является мир на самом деле, – другое. Удивившись балансу моего банковского счета, я демонстрирую, что понимаю разницу между фантазией, возникшей у меня в голове, и суровой действительностью.

При этом, чтобы сформировать понятие убеждения, как считает Дэвидсон, необходим язык. Язык позволяет нам сопоставлять наши убеждения с убеждениями других людей и таким образом выстраивать представление об объективной реальности, не зависящей от всех наших субъективных убеждений. Поскольку язык – или по крайней мере язык, достаточно сложный для решения этой задачи, – присущ только людям, только люди могут обладать понятием убеждения и, следовательно, самими убеждениями. А учитывая, что, по Дэвидсону, убеждения являются базой, основой для любого мышления вообще, разумом обладают только люди.

Опять же – это убедило лишь немногих философов. Например, Дэвидсона упрекали в том, что он поставил телегу впереди лошади. Хотя между способностью обладать убеждениями, понятием убеждения и языком есть некоторая связь, более вероятно, что связь эта обратная. То есть способность иметь убеждения необходима для того, чтобы сформировались язык и понятие убеждения, а не наоборот. Кроме того, идея, что для обладания убеждениями требуются как язык, так и понятие убеждения, предполагает, что дети, еще не владеющие языком, убеждений не имеют. А если так, непонятно, как они вообще могут овладеть языком. Очень сложно объяснить, как мы все усвоили названия вещей и научились выражать идеи, не имея убеждений и абсолютно никаких мыслей в голове.

Итак, тезисы Дэвидсона выглядят не слишком убедительными. Однако мы лишь показали, что этот конкретный философ ошибался. Какие же аргументы в пользу разумности животных мы можем предложить? Обычно приводятся три основных; они построены на принципах аналогии, вывода к наилучшему объяснению и эволюционной парсимонии¹¹.

В рамках *принципа аналогии* исходят из того, что некоторое свойство X связано с умственными способностями людей, а затем по аналогии заключают, что животные, демонстрирующие это свойство X, также должны обладать разумом. К примеру, способности решать задачи или менять поведение являются свойствами, которые у людей зависят от их интеллекта. Руководствуясь принципом аналогии, мы можем сделать вывод, что животные, решающие задачи или демонстрирующие гибкость поведения, также разумны. На самом деле в сравнительной психологии существует огромное количество исследований (и их число продолжает расти), которые свидетельствуют, что многие виды помимо человека способны делать выводы из опыта, запоминать прошлое, прогнозировать будущее, планировать, изобретать, адаптироваться к изменяющимся условиям, а также обладают многими другими навыками, которые требуют от человека некоторых мыслительных способностей.

Принцип вывода к наилучшему объяснению сводится к следующему: гипотеза о наличии у животных разума – это лучший способ интерпретации некоторых форм поведения, которые мы у них наблюдаем, например таких, которые очевидно ошибочны либо не согласуются с реальностью. Учитывая, что кошка на самом деле залезла не на дуб, а на клен, лучшее объяснение поведения собаки будет состоять в том, что она *считает*, что кошка находится на дубе. Принцип вывода к наилучшему объяснению также включает идею, что мы можем не только лучше *объяснить* определенные виды поведения через атрибуцию ментальных состояний, но и строить *предсказания*, основываясь на этих ментальных состояниях. Например, мы предположим, что у собаки есть *желание* гоняться за кошкой и *убеждение*, что кошка залезла на дуб. Тогда мы можем спрогнозировать, что, когда собака поймет, что кошка на самом деле залезла на клен, то сначала она удивится, а затем побежит туда, где, как она только что поняла, нахо-

¹¹ Andrews K. Animal cognition // Zalta E. N., ed. The Stanford Encyclopedia of Philosophy. 2012. Winter 2012. URL: <http://plato.stanford.edu/archives/win2012/entries/cognitionanimal/>.

дится кошка. Если наш прогноз сбудется, лучшая интерпретация вновь сведется к тому, что животные разумны.

Наконец, *принцип эволюционной парсимонии* основан на наших знаниях о биологической эволюции и естественном отборе. Все виды родственны друг другу. Мы можем выбрать два совершенно любых вида, и у них обязательно найдется общий предок. Чем ближе родство, тем больше они похожи друг на друга. Это относится и к интеллектуальным способностям. Те виды, которые находятся близко друг к другу на древе жизни, с большой вероятностью будут иметь аналогичные умственные способности. Когда мы замечаем у представителей видов, близких к нашему, поведение, которое, как мы знаем, требует развитых интеллектуальных навыков, мы можем предположить, что представители этих видов также обладают разумом, – и это наиболее простое объяснение. Принцип парсимонии подразумевает, что чем ближе родство других видов с нашим либо с теми видами, которые демонстрируют развитую психологию, тем выше вероятность, что у особей этих видов есть разум¹².

Теперь предположим, что по крайней мере некоторые животные способны мыслить, несмотря на отсутствие языка. Это необязательно значит, что они обладают понятиями, поскольку некоторые формы мышления могут быть принципиально не понятийными. Представим, например, белку, планирующую перебраться с ветки, на которой она сидит, на ветку дерева напротив. Для этого в принципе ей не нужны понятия ветки и дерева. Ей хватит, например, способности мыслить образами: составить мысленную карту дерева, а на ней мысленно опробовать возможные маршруты. Это не значит, что у белок нет понятий, но для этой конкретной формы мышления они просто не нужны. Чтобы о животном можно было сказать, что оно обладает понятиями, оно должно продемонстрировать не только способность мыслить вообще, но и некоторые специфические мыслительные механизмы.

Во-первых, животное, обладающее каким-либо понятием, сможет с известной степенью достоверности различать сущности, к которым применимо это понятие. Например, если у Карлы есть понятие собаки, Карла должна быть способна отличить собаку от других сущностей, таких как ботинок или зонтик, а также от других живых существ, например лягушки или летучей мыши. Но представим себе, что Карла не сможет безошибочно идентифицировать разные породы собак. Если все собаки, которых она видела в жизни, – пиренейские мастифы, то, впервые встретив чихуахуа, Карла, возможно, подумает, что перед ней другое животное, но это еще не значит, что она утратит понятие собаки. Поэтому обладание неким понятием не защищает от возможных ошибок при классификации; необходима также способность учиться и совершенствовать наши понятия. Если объяснить Карле, что чихуахуа – тоже собака, Карла сможет убрать ее из раздела «вероятно, грызуны» и перенести в раздел «собаки», и в следующий раз, встретившись с одной из них, она классифицирует ее правильно.

Во-вторых, обладание понятием предполагает не только умение отличать сущности, к которым применимо данное понятие, но и определенное понимание семантики этого понятия, его значения. Что касается Карлы, она не только может отличать собак от других объектов, но и обладает некоторыми знаниями о том, что собой представляет собака. К примеру, она знает, что собаки – млекопитающие, имеют четыре лапы, лают, покрыты шерстью или что они с ума сходят от беготни за мячом. Это значит, как и предполагал Дэвидсон, что все понятия связаны друг с другом в определенную семантическую сеть. Понятие собаки связано с такими понятиями, как «млекопитающее» и «лай».

В то же время содержание каждого понятия не является статичным и постоянным. Напротив, оно меняется в зависимости от времени, культуры и конкретного человека. Так, понятие собаки, которым мы обладаем сегодня, очень отличается от понятия, которое было

¹² Для ознакомления с вопросом о разуме животных с философской точки зрения рекомендую великолепную книгу: Andrews K. *The Animal Mind*. 2-nd edition. Abingdon & New York: Routledge, 2020.

в ходу две тысячи лет назад, когда научное знание было гораздо менее развитым. Понятие собаки, которое используется в Европе, где собаки главным образом являются домашними животными, будет отличаться от понятия, принятого в других обществах, где собаки могут считаться, например, изысканным деликатесом. Наконец, мое нынешнее понятие собаки – а я прожила со своей шестнадцать лет – наверняка отличается от понятия, которое было у меня в детстве, когда я ужасно боялась собак. Кроме того, мое понятие также будет отличаться от понятия, которым оперирует моя двоюродная сестра Альмудена, поскольку она ветеринар и обладает огромными знаниями в области собачьей анатомии и физиологии, я же в этом мало что смыслю.

В-третьих, понимание семантического содержания понятия также позволяет делать выводы с помощью этого понятия. Например, представим, что мы хотим обмануть Карлу, сделать так, чтобы она поверила, будто наша кошка Матильда – это фокстерьер, и для этого мы ее нарядим и придадим ей как можно более собакоподобный вид. Может быть, Карла поначалу обманется (если мы мастера переодевания, а она не слишком сообразительна), однако чем точнее ее понятие, тем скорее она поймет, что то, как Матильда двигается и размахивает хвостом, не очень-то соответствует движениям, которые можно ожидать от собаки. В тот момент, когда Матильда замаякает или неожиданно выпустит острые когти, обман окончательно раскроется и Карла поймет, что Матильда на самом деле никакая не собака. И, может быть, что мы – не очень-то хорошие люди, раз попытались так жестоко над ней пошутить.

В-четвертых, понятия не связаны с конкретным сенсорным стимулом. Понятие собаки, которым оперирует Карла, применимо не только к собакам конкретной породы или к собакам с шерстью того или иного цвета; с помощью этого понятия собаками можно признать животных с очень разной внешностью. Понятие собаки, которым обладает Карла, также необязательно связано с визуальными стимулами, ведь она может распознавать собаку с помощью других органов чувств. Например, если она услышит лай или скулеж, то поймет, что где-то рядом собака. Если она зайдет в дом и учует определенный запах, то сделает вывод, что у хозяев дома есть питомец. Если ночью она почувствует, как в руку тычется мокрый нос, то поймет, что ее собака пришла ее разбудить. В целом Карле даже не нужен сенсорный стимул, чтобы подумать о собаке. У нее могут возникнуть, например, такие мысли: «Я бы хотела приютить еще одну собаку» или: «Что сейчас делает пес моей бабушки?» – и для этого ей необязательно иметь перед глазами реальную собаку. Поэтому ее понятие достаточно независимо от сенсорных стимулов.

Наконец, понятия не вызывают фиксированной поведенческой реакции. Реакция Карлы на собаку будет зависеть от сложности понятия, которым Карла обладает, от ее настроения, личных качеств, вкусов, жизненного опыта и целого ряда убеждений и желаний, которые она испытывает в данный момент. Возможно, если она встретит собаку в парке, то подойдет к ней, чтобы погладить, поскольку знает из своего опыта, что собаки обычно открыты для такого взаимодействия. Но если собака в ответ покажет клыки, возможно, в следующий раз Карла дважды подумает, прежде чем приближаться, или попробует сделать это как можно более миролюбиво. Реакции Карлы, в свою очередь, будут отличаться от реакций других людей, у которых есть понятие собаки. Возможно, Лидия, у которой в детстве был травмирующий опыт общения с немецкой овчаркой, не отважится приблизиться ни к одной собаке этой породы, а Беа, страдающая от ужасной аллергии на собачью шерсть, будет всеми силами избегать собак вообще.

Итак, понятия обладают пятью основными характеристиками – они: 1) позволяют с определенной степенью надежности отличать сущности, к которым они применяются; 2) подразумевают определенное семантическое содержание, которое может варьироваться от человека к человеку и изменяться со временем; 3) позволяют делать выводы; 4) не связаны с конкретным сенсорным стимулом; и 5) не вызывают фиксированной поведенческой реакции. Учитывая все это, теперь можно вернуться к примеру с муравьями и разобраться, почему мы можем

быть достаточно уверены в том, что эти насекомые не оперируют понятием смерти. Для этого давайте сосредоточимся на некрофорезе – склонности муравьев выносить своих мертвых сородичей из гнезда, поскольку именно такое поведение наиболее явно указывает, что у этих насекомых, возможно, есть понятие смерти.

Для того чтобы говорить о присутствии понятия смерти у муравьев, мы должны быть уверены, что муравьи умеют различать сущности, которые охватывает это понятие. То есть они должны уметь отличать мертвых муравьев от живых. Как мы уже увидели, они и в самом деле умеют это делать благодаря химическим маркерам смерти, таким как олеиновая кислота. Однако процесс распознавания мертвых муравьев неразрывно связан с этими химическими маркерами. Поэтому их так просто обмануть и заставить принять живого муравья за мертвого. Насколько нам известно, они не могут понять, что совершили ошибку в процессе распознавания. Муравей, который в изумлении наблюдает за собственным погребением, не может сообщить другим, что они ошиблись и на самом деле он жив.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.